УДК 347.73

МОДЕРНИЗАЦИЯ ИНСТИТУТОВ ВАЛЮТНОГО КОНТРОЛЯ И ФИНАНСОВОГО МОНИТОРИНГА В РФ: ЦИФРОВЫЕ МЕТОДЫ ВЫЯВЛЕНИЯ СКРЫТЫХ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ПОТОКОВ КАПИТАЛА

Чернявская Мария Юрьевна

студентка 4 курса

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», Оренбургский институт (филиал).

Россия, г. Оренбург

Аннотация. В статье рассматривается трансформация валютного контроля и финансового мониторинга в Российской Федерации после прекращения автоматического обмена финансовой информацией (CRS) с недружественными юрисдикциями. Анализируется переход ФНС и Росфинмониторинга к цифровым методам выявления скрытых трансграничных потоков капитала на основе больших данных и искусственного интеллекта. Выявляется правовая проблема, связанная с отсутствием стандартов оценки доказательств, сформированных алгоритмически, и риском необоснованных доначислений и штрафов. Обосновывается необходимость законодательного закрепления требований к достоверности и верифицируемости цифровых доказательств, а также права резидента на объяснение логики автоматизированного решения.

Ключевые слова: валютный контроль, финансовый мониторинг, цифровизация, искусственный интеллект, алгоритмические доказательства, защита прав резидентов.

MODERNIZATION OF CURRENCY CONTROL AND FINANCIAL MONITORING INSTITUTIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION: DIGITAL METHODS FOR DETECTING HIDDEN CROSS-BORDER CAPITAL FLOWS

Chernyavskaya Maria Yurievna

Student, 3rd year, Faculty of Law

Orenburg Institute (branch) of the O.E. Kutafin University (MSLA),

Russia, Orenburg

Abstract. This article examines the transformation of currency control and financial monitoring in the Russian Federation following the cessation of the automatic exchange of financial information (CRS) with "unfriendly" jurisdictions. It analyzes the shift by the Federal Tax Service and Rosfinmonitoring

toward digital methods for identifying concealed cross-border capital flows, utilizing big data and artificial intelligence. The article highlights a legal issue stemming from the lack of standards for evaluating algorithmically generated evidence, which creates a risk of unjustified tax assessments and penalties. It argues for the necessity of establishing, through legislation, requirements for the reliability and verifiability of digital evidence, as well as the right of a resident to receive an explanation of the logic behind an automated decision.

Keywords: currency control, financial monitoring, digitalization, artificial intelligence, algorithmic proofs, protection of residents' rights.

Современная система валютного контроля и финансового мониторинга в Российской Федерации переживает глубокую трансформацию, обусловленную двумя взаимосвязанными факторами. Первый носит внешнеполитический характер: после введения масштабных санкций в 2022 году Россия фактически утратила доступ к механизму автоматического обмена финансовой информацией (Common Reporting Standard, CRS) с недружественными юрисдикциями. Если ранее Федеральная налоговая служба получала сведения о зарубежных счетах российских резидентов в автоматическом режиме, то теперь этот канал закрыт. Второй фактор носит технологический характер: государство вынуждено компенсировать утрату внешних источников данных переходом к цифровым методам анализа, основанным на больших данных и искусственном интеллекте.

Чтобы понять суть этих проблем, необходимо прежде всего разобраться в том, что представлял собой утраченный механизм и почему его потеря оказалась столь чувствительной. Common Reporting Standard представляет собой международный стандарт автоматического обмена налоговой информацией, разработанный Организацией экономического сотрудничества и развития. Его суть состоит в том, что финансовые организации стран-участниц собирают данные о счетах нерезидентов и передают их налоговым органам своих государств, которые, в свою очередь, обмениваются этими сведениями с компетентными органами других стран. Для России это означало, что Федеральная налоговая служба автоматически получала информацию о зарубежных счетах российских резидентов: их наличии, остатках, движении средств. Однако после начала санкционного давления в 2022 году этот механизм перестал работать в прежнем режиме. Недружественные юрисдикции приостановили обмен информацией с Россией. Россия остаётся в списке участников CRS, но фактическая передача данных не осуществляется. В результате ФНС утратила автоматический доступ к сведениям о зарубежных активах резидентов, которые ранее поступали регулярно и в полном объёме. Если раньше налоговые органы могли сопоставить данные, полученные по каналу CRS, с внутренней отчётностью и выявить расхождения, то теперь такой возможности нет. Информация о зарубежных счетах стала

недоступной, и контроль за трансграничными потоками капитала потребовал принципиально иных подходов.

Осознав невозможность восстановления прежнего канала получения данных, Россия начала перестраивать систему валютного контроля, делая ставку на цифровые методы и новые источники информации. Первым шагом стало расширение обязанностей самих резидентов. Федеральный закон от 25.12.2023 № 647-ФЗ ввёл для резидентов, входящих в международные группы компаний, обязанность уведомлять ФНС об открытии счетов за рубежом и отчитываться о движении средств по ним [3]. Это шаг к тому, чтобы компенсировать утрату автоматического обмена за счёт раскрытия информации самими участниками внешнеэкономической деятельности. Резиденты теперь должны самостоятельно предоставлять сведения, которые ранее поступали по каналу CRS. Параллельно с этим План деятельности ФНС на 2025 год и плановый период 2026-2030 годов, утверждённый Минфином 22.01.2025 № 03-00-07/ВН-2077, прямо ставит задачу модернизировать программные средства валютного контроля. Это означает, что ведомство планирует развивать цифровые инструменты анализа, способные выявлять скрытые трансграничные потоки без прямого доступа к зарубежным данным. Банк России, в свою очередь, планирует ввести специальную систему кодирования операций нерезидентов в иностранной валюте, а также расчётов с использованием векселей, драгоценных металлов и цифровых финансовых активов. Это позволит регулятору более детально отслеживать операции, которые ранее могли оставаться вне поля зрения.

Однако было бы ошибкой полагать, что перестройка контроля вызвана исключительно утратой CRS. Проблема скрытых трансграничных потоков капитала существовала и ранее, а санкции лишь обострили её. Актуальность перестройки подтверждается данными о динамике теневого оттока капитала. Под теневым оттоком понимается движение средств, которое не отражается в официальной статистике и может быть связано с выводом капитала за рубеж в обход установленных правил. По данным экономических исследований, неучтённый отток капитала из России растёт, достигая экстремальных значений. В первом квартале 2025 года этот показатель составил около 8,0 млрд долларов США. Росфинмониторинг также указывает на конкретные схемы, которые используются для вывода средств за рубеж. В частности, ведомство отмечает, что под видом купли-продажи векселей могут осуществляться переводы средств между организациями или физическими лицами как внутри страны, так и в рамках вывода за рубеж. Кроме того, нерезиденты, по оценке Росфинмониторинга, в основном используются в сложных схемах отмывания доходов за рубежом: они выступают получателями средств, выводимых из России. Эти данные показывают, что проблема носит не теоретический, а практический характер, и государство вынуждено реагировать на неё.

Реакция выражается в переходе к цифровым методам выявления подобных схем. Суть цифрового подхода состоит в том, что контроль перестаёт быть документарным и становится алгоритмическим. Вместо того чтобы запрашивать у резидента подтверждающие документы и проверять их вручную, ведомства анализируют большие массивы данных, выявляя аномалии и косвенные признаки нарушений [10, с. 68]. ФНС использует автоматизированные информационные системы, такие как АИС «Налог-3», которые аккумулируют и анализируют данные из различных источников [5]. Эти системы позволяют сопоставлять внутренние расходы граждан и организаций с информацией об их активах, выявлять расхождения и формировать группы риска. Если резидент, например, демонстрирует расходы, несоразмерные своим официальным доходам, и при этом имеются косвенные признаки наличия зарубежных счетов, система может идентифицировать его как объект повышенного внимания. Росфинмониторинг, в свою очередь, анализирует подозрительные операции, выявляя схемы, которые могут быть связаны с выводом капитала. Использование больших данных и искусственного интеллекта позволяет обрабатывать огромные объёмы информации, которые невозможно проверить вручную, и выявлять скрытые связи между контрагентами, операциями и юрисдикциями.

Переход к цифровым методам позволяет отчасти компенсировать утрату доступа к CRS. Однако именно этот переход порождает новую проблему, которая до настоящего времени не получила законодательного разрешения. Суть её состоит в том, что доказательства, сформированные автоматизированными системами на основе алгоритмического анализа больших данных, используются для доначислений и штрафов за нарушение валютного законодательства, однако их правовой статус остаётся неопределённым. Законодательство не устанавливает стандартов оценки таких доказательств, не определяет требований к их достоверности и не создаёт механизмов, позволяющих резиденту оспорить логику алгоритма, приведшую к решению о нарушении [12, с. 82].

Эта проблема имеет несколько аспектов, и первый касается непрозрачности алгоритмов, которые распределяют резидентов по группам риска: критерии отнесения операции или лица к подозрительным, как правило, не раскрываются. Это противоречит принципу правовой определённости, согласно которому лицо должно предвидеть последствия своих действий и понимать, на каком основании к нему применяются меры принуждения. В валютном контроле это особенно важно, поскольку резидент зачастую не может самостоятельно проверить, соответствует ли его деятельность требованиям законодательства.

Второй аспект связан с отсутствием правового статуса у доказательств, формируемых автоматизированными системами. Если доначисление или штраф основываются на данных, полученных алгоритмически, возникает вопрос: можно ли считать их доказательствами в суде и как резиденту их оспорить, если он не понимает логику системы? Действующее процессуальное

законодательство не содержит норм, учитывающих специфику цифровых доказательств, формируемых с использованием искусственного интеллекта [11, с. 148].

Третий аспект касается обжалования: резидент вправе оспорить итоговое решение контролирующего органа, но не логику алгоритма, приведшую к нему. Формально право на защиту есть, однако воспользоваться им трудно, поскольку оспаривать приходится результат, а не его основание.

Четвёртый аспект связан с риском ложноположительных срабатываний. Добросовестный резидент, чьи операции система ошибочно сочла подозрительными, может столкнуться с проверками и издержками без реального нарушения. Алгоритм не застрахован от ошибок, а механизмов их своевременного выявления и устранения нет. Все эти аспекты указывают на общий разрыв между технологическими возможностями контролирующих органов и правовыми гарантиями резидентов: государство получает всё более мощные инструменты выявления скрытых трансграничных потоков капитала, но законодательство не успевает за этим развитием, оставляя резидентов без адекватных средств правовой защиты.

С этой проблемой соглашаются и исследователи. Так, А. О. Чабан указывает на риск алгоритмической несправедливости, отмечая, что автоматизированные системы принимают юридически значимые решения, не обладая чётким правовым статусом и не имея законодательно закреплённых границ компетенции [12, с. 82]. Нельзя не согласиться с этой позицией: действительно, непрозрачность алгоритмов, распределяющих налогоплательщиков по группам риска, создаёт угрозу нарушения фундаментальных принципов, включая принцип определённости и предсказуемости правового регулирования. О. Г. Вандина также обращает внимание на правовое отставание как барьер для внедрения передовых технологий, подчёркивая, что действующие нормативные акты зачастую не учитывают специфику цифровых инструментов [10, с. 78]. Эти выводы, сделанные применительно к налоговому контролю, в полной мере применимы и к валютному контролю, поскольку логика алгоритмического анализа в обеих сферах схожа.

Подтверждение тому, что проблема носит не умозрительный, а практический характер, даёт судебная практика. Суды уже сформировали определённый подход к оценке доказательств, сформированных автоматизированными системами. В деле № А40-62388/2020, рассмотренном Арбитражным судом Московского округа, суд указал, что налоговый орган не может вменять налогоплательщику налоговые разрывы, выявленные программно-аппаратным комплексом АСК НДС-2, без привязки к фактическим обстоятельствам сделок, периодам и объёмам товарных потоков [8]. Это означает, что автоматизированная система может выявить формальное расхождение, но для привлечения к ответственности необходимо доказать реальную связь этого расхождения с конкретными действиями налогоплательщика. Аналогичная логика

прослеживается в деле № А40-52408/2024, где суд не признал скриншоты из программы АИС «Налог-3» надлежащими доказательствами, поскольку они не соотносились с установленными требованиями и были лишены документального подтверждения [9]. Суд фактически указал, что данные, сформированные автоматизированной системой, сами по себе не являются достаточным доказательством: необходимо подтвердить их достоверность, источник происхождения и корректность интерпретации.

Эта позиция согласуется с более общим принципом, который суды применяют и в других категориях дел. Например, при оспаривании штрафа за парковку на газоне водитель ссылался на плохое качество фотографий, но суд отклонил довод, поскольку нарушение подтверждалось совокупностью доказательств: протоколом, фотоматериалами и карточкой учёта автомобиля. Автоматизированная фиксация была лишь одним из элементов доказательственной базы. В другом деле штраф за грязный двор отменили: на фотографиях не было данных о месте, времени съёмки и авторе кадров, поэтому связать снимки с конкретным моментом проверки не удалось. Суд применил презумпцию невиновности и истолковал сомнения в пользу лица. Отсюда устойчивый подход: данные автоматизированных систем допустимы как доказательства, но только если подтверждена их достоверность, верифицируемы источник и способ получения, а сами данные соотносятся с обстоятельствами дела. Если система формирует вывод, но не позволяет проверить, как он получен, суд может признать доказательство недостаточным.

Этот подход имеет прямое значение для валютного контроля. Подтверждение тому содержится в самой архитектуре цифрового контроля, который выстраивает ФНС. Согласно приказу ФНС России от 08.05.2024 № ЕД-7-17/372@, в составе АИС «Налог-3» функционирует прикладная подсистема «Валютный контроль», которая обеспечивает проведение проверок соблюдения валютного законодательства, приём и обработку сведений о контрактах и ведомостей банковского контроля, поступающих от агентов валютного контроля [5]. Это означает, что алгоритмический анализ применяется не только в налоговой сфере, но и непосредственно в валютном контроле. Более того, согласно Плану деятельности ФНС на 2025 год и плановый период 2026–2030 годов, в составе мероприятий предусмотрена модернизация программных средств, применяемых налоговыми органами при осуществлении валютного контроля, и их внедрение в АИС «Налог-3». Конкретным результатом этой модернизации стали приказы ФНС России от 28.04.2025 № ЕД-7-6/428@, от 15.12.2025 № ЕД-7-17/1171@, от 19.12.2025 № ЕД-7-12/1236@ и ряд других распоряжений и писем. Таким образом, цифровой валютный контроль перестал быть проектом и стал действующей практикой.

Показательно и то, как эта практика встраивается в отношения с агентами валютного контроля. С 1 марта 2026 года вступило в силу постановление Правительства РФ от 30.08.2025 № 1344, согласно которому кредитные организации перешли на обмен данными с ФНС

исключительно через СМЭВ [4]. В рамках этого перехода ФНС ввела новый вид сведений: запрос о предоставлении информации, подтверждающей уведомление (неуведомление) резидентом налогового органа об открытии счёта за рубежом. Банк, выступая агентом валютного контроля, при проведении валютной операции направляет запрос в ФНС и получает автоматизированное подтверждение: уведомил резидент или нет. Это и есть та самая алгоритмическая система, которая формирует вывод, значимый для привлечения к ответственности. Если банк получает подтверждение о неуведомлении, для резидента это создаёт риск административного производства по ст. 15.25 КоАП РФ. При этом логика, по которой система пришла к выводу о неуведомлении, и исходные данные, на которых этот вывод основан, резиденту недоступны. Судебная практика, которую мы рассматривали выше [8; 9], показывает, что суды в аналогичных ситуациях требуют подтверждения достоверности и верифицируемости алгоритмических данных. Однако в сфере валютного контроля прямых судебных решений пока нет. Это и есть проявление правовой неопределённости, о которой говорилось выше.

Отсутствие прямой судебной практики по валютному контролю не означает, что проблема надумана. Напротив, она показывает, что тема находится на начальном этапе, когда правовые стандарты ещё не сформированы. Именно в этот момент законодатель имеет возможность заложить основу для сбалансированного регулирования, не дожидаясь, пока практика сложится хаотично под давлением отдельных дел.

О необходимости таких стандартов говорит и зарубежная практика. В Европейском союзе налоговые ИИ-системы отнесены к категории высокого риска, а значит, подлежат обязательной сертификации, должны раскрывать логику работы и находиться под постоянным мониторингом. Китай опирается на блокчейн, который позволяет проверять данные на каждом этапе и делает сокрытие информации о сделках затруднительным. Франция и США развивают институт предварительного налогового регулирования: налогоплательщик может заранее узнать, какие последствия повлечёт планируемая операция, и это создаёт для добросовестных участников своего рода безопасную гавань [12, с. 84]. В российском законодательстве аналогичных механизмов применительно к валютному контролю пока нет. Отдельные элементы цифрового контроля внедряются, но их правовой статус остаётся неопределённым.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод: модернизация валютного контроля и финансового мониторинга, вызванная прекращением автоматического обмена финансовой информацией с недружественными юрисдикциями, породила правовую проблему, требующую внимания законодателя. Её суть в неопределённости правового статуса доказательств, которые формируются автоматизированными системами на основе алгоритмического анализа больших данных. Такие доказательства используются для доначислений и штрафов, однако законодательство не устанавливает ни стандартов их оценки, ни требований к достоверности, ни

механизмов, позволяющих резиденту оспорить логику алгоритма. Судебная практика, пусть и по смежным категориям дел, показывает, что суды допускают данные автоматизированных систем как доказательства только при подтверждении достоверности, верифицируемости источника и связи с обстоятельствами дела. В валютном контроле прямых судебных решений пока нет, что создаёт правовую неопределённость и риск необоснованного привлечения добросовестных резидентов к ответственности.

Для решения проблемы можно предложить несколько мер. Следует законодательно закрепить статус цифровых систем как инструментов формирования доказательств, определив требования к их достоверности и воспроизводимости. Нужно ввести право резидента на объяснение логики автоматизированного решения, затрагивающего его права и обязанности. Технологический сбой стоит признать обстоятельством, исключающим вину резидента при добросовестном исполнении им обязанностей. Также необходимо обязательное уведомление об использовании искусственного интеллекта при проведении контрольных мероприятий [12, с. 85]. Проблема носит практический характер, и её решение требует совместных усилий законодателя, контролирующих органов и научного сообщества. Только надёжные правовые гарантии позволят цифровой трансформации валютного контроля реализовать свой потенциал, не превратившись в инструмент алгоритмического произвола.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 50. – Ст. 4859.
2. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 33 (часть I). – Ст. 3418.
3. Федеральный закон от 25.12.2023 № 647-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О валютном регулировании и валютном контроле"» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202312250040.
4. Постановление Правительства РФ от 30.08.2025 № 1344 «О порядке информационного взаимодействия...» // КонсультантПлюс.
5. Приказ ФНС России от 08.05.2024 № ЕД-7-17/372@ (об утверждении положений о подсистеме «Валютный контроль» в АИС «Налог-3»).
6. Приказ Росфинмониторинга от 23.04.2025 № 74 «Об утверждении требований к идентификации клиентов...» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202506300010.

7. Приказ Росфинмониторинга от 17.06.2025 № 123 «Об утверждении Порядка доведения до кредитных организаций... перечня иностранных государств...» // Российская газета. – 2025. – 29 октября.
8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31.05.2021 № Ф05-10916/2021 по делу № А40-62388/2020.
9. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.06.2025 № Ф05-6972/25 по делу № А40-52408/2024.
10. Вандина О.Г. Цифровизация государственного финансового контроля: современные технологии и практика внедрения // Russian Journal of Management. – 2026. – Т. 14, № 1. – С. 67–83.
11. Калачев М.А., Куликова П.А. Обзор практики бухгалтерского учёта и аудита валютных операций в российских организациях // Экономика. Право. Инновации. – 2024. – № 2. – С. 50–60.
12. Чабан А.О. Трансформация налогового контроля в условиях цифровизации: риски алгоритмической несправедливости и защита прав налогоплательщика // Финансовое право. – 2026. – № 8. – С. 81–87.
13. Цифровая сущность финансового права: прошлое, настоящее, будущее: монография / под ред. И.И. Кучерова, Н.А. Поветкиной. – М.: ИЗиСП, Юриспруденция, 2022. – 272 с.